

РОССИЯ

и современный

МММ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1993 ГОДУ

3

**проблемы
мнения
дискуссии
события**

**(84)
2014**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

А.Н. Шеповальников,
Д.Е. Мохов
О системной стратегии
обеспечения здоровья
и сбережения нации 188

Н.Ю. Ахалкин
Российский рынок труда:
Стагнация, стабилизация
или рост? 198

Т.В. Леженина
Развитие экономики
Дальнего Востока: Роль
иностраннх инвестиций 209

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

П.Н. Гордеев
Артист и Революция:
А.И. Сумбатов-Южин о России
в 1917 г. 221

Н.А. Родионова
Дворянка в после-
революционной России
(Т.И. Лещенко-Сухомлина) 231

**НАУЧНАЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

В.Э. Булатов
Научная работа в Государст-
венном историческом музее 240

П.Е. Фокин
Музей-квартира
Ф.М. Достоевского 247

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА**

252

**COMMUNICATIONS,
REFLECTIONS,
COMMENTS**

A.N. Shepovalnikov,
D.Ye. Makhov
On a System Strategy
of Health Protection
and National Preservation

N.Yu. Akharkin
The Russian Labor Market:
Stagnation, Stabilization
or Growth?

T.V. Lezhenina
The Russian Far East Economy:
The Role of Foreign
Investments

FACTS, EVENTS, PEOPLE

P.N. Gordeev
The Artist and the Revolution:
A.I. Sumbatov-Yuzhin on Russia
in 1917

N.A. Rodionova
A Gentry Lady in Post-
Revolutionary Russia
(T.I. Leshchenko-Sukhomlina)

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

V.E. Bulatov
Scientific Work in the State
Historical Museum

P.Ye. Fokin
F.M. Dostoyevsky's Apartments
as a Museum

SUMMARIES

Н.А. Родионова

**ДВОРЯНКА В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(Т.И. ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА)**

Родионова Надежда Александровна – кандидат исторических наук,
доцент ГУ-ВШЭ.

Певица, писательница, переводчица Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина (1903–1998) прошла тот крестный путь, которым шли миллионы русских людей по дорогам сурового XX в. О ее роли в российской истории говорить не приходится, ибо эта роль не слишком заметна и значительна. Но российская история типичным образом отразилась на ее судьбе: эмиграция, возвращение на родину, драматические попытки встроиться в новую социальную реальность, война. Не миновали ее и сталинские лагеря. И все же жизнь Лещенко-Сухомлиной, несмотря ни на что, можно считать счастливой: она много повидала на своем веку, в сферу ее общения входили В. Маяковский и друг С. Есенина В. Шершеневич, писатели Б. Пильняк и Д. Бурлюк, организатор и вдохновитель знаменитого кабаре «Бродячая собака» Б. Пронин и незаслуженно забытый ныне поэт Тихон Чурилин, которого сама Цветаева считала гениальным, Лиля Брик и знаменитый С. Образцов.

Дневники, которые эта незаурядная женщина с нелегкой судьбой вела всю жизнь, увидели свет в 1991 г.¹ Они вышли в двух книгах под названием «Долгое будущее. Воспоминания» [4]. Т.И. Лещенко-Сухомлина напророчила себе долгое будущее: минуло 15 лет со дня ее смерти, а личность автора продолжает нас волновать, значит, жизнь ее не закончилась с физической смертью. Будучи опубликованы, «эти дневники превратились в факт культуры, обеспечив текстуальное бессмертие личностной индивидуальности их автора в универсуме культуры» [1, с. 38].

¹ Третья книга, подготовленная к изданию, так и не вышла в свет. Что касается рукописей, хранящихся в Рукописном отделе РГБ, то автор статьи была первой, кто заинтересовался их содержанием. – М., 1991. – Т. 2; М., 1993.

Дневники, автобиографические тексты Т.И. Лещенко-Сухомлиной – источники, позволяющие прояснить способы выстраивания новой идентичности русской женщины в эмиграции и по возвращении на Родину, дают богатый материал для ответа на вопросы:

1. При помощи каких социальных механизмов человек адаптируется в новых социальных условиях.

2. Каковы те базовые характеристики личности, которые помогают приспособиться к новой социальной действительности.

3. Каковы траектории ее социальной мобильности в новых условиях, каков результат социальной адаптации [7, с. 246].

Биография, будучи индивидуальной совокупностью практик, объективирует социальное, следовательно, от «реконструкции» отдельной биографии можно прийти к заключениям, релевантным для социальной системы в целом [8, с. 11]. Основываясь на жизненных перипетиях Т.И. Лещенко-Сухомлиной, мы можем судить и о механизмах социальной адаптации в целом, осмыслить модели поведения и типы идентификации личности на этапах радикальной трансформации общества.

Предки Т.И. Лещенко-Сухомлиной со стороны отца – кубанские казаки. Со стороны матери – столбовые костромские дворяне. Отец Иван Васильевич Лещенко был учеником К.А. Тимирязева, автором нескольких книг по агрономии. Мать Елизавета Николаевна Прохорова-Лещенко была отличной пианисткой, ученицей К.Н. Игумнова. Социальные катаклизмы начала XX в. стали испытанием на прочность семьи Лещенко. В Гражданской войне на стороне красных погибает 15-летний брат-близнец Т. Лещенко, а сама она в 1922 г. уезжает из родительского дома в Москву, где поселяется в доме подруги по Екатерининскому институту. Этот независимый шаг свидетельствует о кризисе дворянской семьи: ведь барышня из такой семьи должна всегда находиться в поле зрения старших, ее поведение и манеры должны быть совершенно безупречными и не подавать никакого повода сомневаться в ее нравственности. В 1922 г. дальний родственник семьи Лещенко вице-президент АН академик В. Стеклов помог Т. Лещенко устроиться преподавать русский язык американцам, работавшим в Американском европейском благотворительном комитете – в Джойнте, где она познакомилась со своим будущим мужем – американским юристом Б. Пеппером. Представители «бывших» сословий старались сохранить свое сословное единство и в новых исторических условиях. Это помогало найти работу и устроить личную жизнь. Уехав из дома, Т.И. Лещенко оказалась вне родительского контроля над ее матримониальным выбором. До революции разная конфессиональная принадлежность жениха и невесты была бы серьезным препятствием к браку. Однако после революции и голодных лет Гражданской войны, когда бывшие привилегированные и состоятельные общественные группы столкнулись с ущемлением

их гражданских прав, но и не стался меза-эмиграционные стратегии значение и как и тради- том брака тальность орнитетност профессии

В жизни воротные и Такой точи 1923 г. Ра- последую- ко родстве ской Росси американ- стики при- ральной си- го профес- достичь ма- пока не бе-

В США столкнове- ные Штата- надутой пл- и ощуще- нью не бе- ную сосре- ве она пр- ценностн- ценностей ее к реше- гарности, т- никогда бо- остался в С-

их гражданских прав (до 1936 г. они были лишены не только избирательного права, но и продовольственных карточек), брак с богатым иудеем уже не считался мезальянсом. Выгоды подобного союза были очевидны – он облегчал эмиграцию. Таким образом, Т.И. Лещенко реализует одну из типично женских стратегий выживания – супружескую стратегию, которая имела особое значение для женщин, успешность адаптации которых к социальной среде, как и традиционный тип включения в нее были во многом связаны с институтом брака [5, с. 42]. В основе супружеской стратегии – традиционная ментальность патриархального общества, основанная на представлении о приоритетности функции жены и воспитательницы детей по сравнению с профессиональной карьерой [6, с. 92–93].

В жизни каждого человека есть своеобразные точки бифуркации, или поворотные моменты, которые определяют всю его последующую судьбу. Такой точкой бифуркации стала эмиграция Т. Лещенко-Пеппер в Америку в 1923 г. Расставание с Родиной не прошло безболезненно. В течение семи последующих лет она трижды приезжала сюда с намерением остаться, однако родственники уговаривали ее уехать, пугая трудностями жизни в советской России. В Америке она прожила семь лет. Стремясь не быть чужой на американском празднике жизни, она закончила колледж и школу журналистики при Колумбийском университете, некоторое время выступала на театральной сцене в составе американской труппы и даже стала членом актерского профсоюза. Таким образом, выгодный брак позволил Татьяне Ивановне достичь материального благополучия, а проблемы творческой реализации ее пока не беспокоили.

В США она не прижилась: попытка преодолеть культурный шок от столкновения с иной культурой не удалась. Вообще Нью-Йорк и Соединенные Штаты «с их глубочайшим мещанством, бешеной погоней за долларами, надутой плутократией, отсутствием культуры и артистизма» вызывали скуку и ощущение, что она проживает не свою жизнь [4, кн. 1, с. 340]. Лещенко отнюдь не была безразлична к материальному благополучию, однако буржуазную сосредоточенность на собственности, на земных благах и накопительстве она презирала. Осознание различия фундаментальных принципов и ценностных ориентаций двух культур и ощущение превосходства духовных ценностей дореволюционной России, в которых она была воспитана, привели ее к решению покинуть чуждую ей по духу страну. Не сумев вынести «вульгарности, торгашества, глухого бескультурья Америки», она дала себе слово никогда больше туда не возвращаться [4, кн. 1, с. 342]. Семья распалась. Муж остался в США, детей у них не было.

В Париже, куда она в 1930 г. переехала из США, Т.И. Лещенко познакомилась с русским скульптором Д.Ф. Цаплиным², который стал ее мужем. Обладая высокой степенью свободы, она нашла спутника жизни в другом социальном круге, рискуя проиграть свою судьбу. Позднее Т.И. Лещенко напишет о муже: «Он был аскет в жизни. Материальных соблазнов для него не существовало. Он никогда не кривил душой. Он жил, работая. Служение искусству пронес высоко и убежденно через все свою жизнь»³. Брак с человеком «хорошего» социального происхождения давал надежду на то, что порочащее происхождение «из бывших» будет забыто. Однако оказалось, что социально выгодный брак не гарантировал спокойной жизни. Социально-гетерогенный брак, в котором каждый реализовывал свою жизненную стратегию (жизненный успех и достижение материального благополучия у Т. Лещенко и творческая самореализация у Д. Цаплина), оказался непрочным. Д. Цаплин, командированный А. Луначарским за границу для обучения, рассматривал свое пребывание в Париже как временное, считая, что работать можно только на родине, а творчество его принадлежит России. С возвращением на родину в 1935 г. радикальным образом изменяется жизненный путь Т. Лещенко (следующая точка бифуркации). Оказавшись в совершенно ином социальном пространстве, в котором формировались противоположные во многом ее собственным идеалы, ценности, «правила игры» и стили поведения, она превратилась в своеобразную «социокультурную иностранку» на собственной родине и была поставлена перед необходимостью адаптации к новой культурной среде, иным формам социальной действительности. Родина обернулась для нее, как и для многих других, не матерью, а мачехой, с возвращения в советскую Россию начинается ее восхождение на Голгофу.

«Я, как зверь, любила свою землю, но, ох, как трудно пришлось мне по возвращении, как и всем живущим на моей родине. Трудная жизнь у русских людей...» [4, кн. 1, с. 176]. Строки дневника проникнуты состраданием к соотечественникам: «Мне жаль до крика несчастный наш народ, всю мою Родину!» [4, кн. 1, с. 8], «мне жаль людей едкой неутолимой жалостью» [4, кн. 1, с. 311]. Москва показалась угрюмой, неприглядной: люди «стали гораздо хуже, чем были: злые, подозрительные», перестали улыбаться [4, кн. 1, с. 258]. Разрушением церквей, глумлением над религиозной культурой народ «плюнул сам себе в душу», писала Лещенко-Сухомлина в своем дневнике.

Тяжелые бытовые условия сказывались на поведении москвичей. Нездержанностью и грубостью, по ее мнению, они перещеголяли все народы на

2. Цаплин Д.Ф. (1890–1967) – советский скульптор. В 1927–1935 гг. работал во Франции, Испании, Англии.

3. ОР РГБ Ф. 543. Картон 35. Ед. хр. 6. Л. 91–92.

свете. В женщинах ей бросились в глаза всеобщая неряшливость и неопрятность, стоптанная, уродливая, тяжелая как копыта обувь [4, кн. 1, с. 37].

Радостное восприятие жизни по возвращении на Родину быстро утрачивалось: «Я не могу, я разучилась радоваться. И, пожалуй, это самое тяжкое» [4, кн. 1, с. 311]. Жизнь оказалась суровой и нелепой, заставляла «наглухо молчать» о многом, вести жестокую борьбу за существование, чтобы выжить и вырастить детей. Она превратилась в «выносливую кобылу», «билась, как рыба об лед, билась, голодала, из последних сил выбивалась» [4, кн. 1, с. 278]. Но ни бесприютность, ни убогость и унижительность существования в Москве не заставили ее раскаяться в возвращении: «Не жалею ни о чем! Люблю свою горькую землю русскую!» [4, кн. 1, с. 193].

Вскоре Д.Ф. Цаплин был обвинен в формализме, и семья почувствовала себя обреченной на нищенское существование. А между тем после выставки в Париже газеты писали о нем как о русском гении. За «Песнь весны» предлагали полмиллиона франков, но скульптор решил, что все, что он сделал, принадлежит народу и вывез все свои творения на родину, где их постигла жалкая участь пылиться в мастерской.

Вести дневник в те годы было опасно. Однако не писать она не могла. Привитая с детства потребность вести дневник обеспечивала психологическую разрядку, помогала преодолеть разлад между внутренним и внешним миром [3, с. 51]. Попытка сделать карьеру певицы успехом не увенчалась. Внутреннее самоощущение не совпадало с внешним обликом женщины, пытающейся вязаньем кофт заработать, чтобы не оказаться на дне, не утратить привычную среду общения и сохранить привычный стиль жизни. Она вынуждена была вести жестокую борьбу за существование, чтобы выжить и вырастить детей. Страдая от безденежья, от собственной невостробованности, неприкаянности она остро переживала положение человека без своего места. Прекрасно образованная и начитанная, Т.И. Лещенко обладала повышенной рефлексией, жизнь становилась для нее все более непереносимой. Брак с Цаплиным дал трещину: «Я виновата, но и не виновата – уж очень мы были разные и оба очень сильны»⁴. Пытаясь в который раз устроить свою личную жизнь, она отнюдь не была верной супругой и добродетельной матерью. Д. Цаплин жил творчеством, он мог обходиться малым, материальные ценности его не интересовали. Строжайшая экономия, бережливость, доведенная до крайней скупости, была неприемлема для Т. Лещенко, с ее личными амбициями и стремлением к успеху – неперемому атрибуту жизни семьи, из которой она происходила.

4. Лещенко-Сухомлина Т.И. Архив БФРЗ. Ф. Р-276. Л. 52.

Оказавшаяся в ловушке после возвращения в Россию, она прошла все круги советского ада, но не изменила себе, не позволила ужасам и бесчеловечным условиям жизни разрушить себя как личность. Арестованная в сентябре 1948 г. и приговоренная к восьми годам лагерей по печально знаменитой 58-й статье — антисоветская агитация и пропаганда, — она поначалу провела месяц на Лубянке, а затем 11 месяцев в Лефортовской тюрьме, причем половину этого срока — в одиночной камере. Но самообладание ее не покидало никогда. И даже в воркутинском лагере, где она старалась жить так, чтобы не множить зла, ее обуреваемый жадный интерес к окружающему, к совершенно новой жизни, к людям, природе, где ей пришлось жить: «Ведь на это тюремное зрелище ни за какие деньги невозможно купить билет, да еще и даром кормят в придачу»⁵. До 1952 г. Лещенко работала в воркутинском театре, переписывала ноты, однако эта удача, дававшая возможность выжить, закончилась увольнением из театра всех заключенных. В дальнейшем наказание за несовершенные преступления (вина ее состояла в том, что однажды она сказала подруге, что Сталин мало заботится о советских людях) Татьяна Ивановна отбывала в местечке Сивая Маска в совхозе «Горняк», где работала ассенизатором. Выгребание нечистот предоставляло возможность сократить лагерный срок на полтора года. Освободилась она 2 апреля 1954 г., в 1956 г. получила справку о реабилитации и возобновила ведение дневника. Написанное ею легко интерпретируется в рамках концепции всепроникающей тоталитарной власти, которую не замечают, но которая присутствует везде: «Писать от всей души — нельзя. Я никогда, ни на минуту, ни с кем не забываю, что говорить от всей души бездумно — нельзя, ибо слова твои могут быть истолкованы во вред тебе — будь ты самым невиноватым ни в чем человеком. Еще я боюсь ездить на лифте — на лифте меня возили на допросы. Но еще я боюсь почти всех людей, боюсь и подозреваю в предательстве. Но это все на самом дне сердца, в самом глухом его углу. Заглядываю я туда очень редко»⁶. Запись событий, связанных с травмой (лагерь) — это был путь к обретению внутреннего покоя и эмоционального равновесия.

По возвращении из заключения необходимо было вновь адаптироваться к жизни на свободе. Опять помогли социальные связи. Лиля Брик не только не побоялась принимать у себя давнюю подругу, вернувшуюся из лагеря, но обеспечила ее необходимой одеждой и обувью, оплатила услуги дантиста (из-за лагерной цинги Лещенко лишилась всех зубов). Именно Брик познакоми-

5. РО РГБ Ф. 543. Сухомлины. № 48. Ед. хр. 2. Дневник 1994 январь 11 — июля 14. Л. 335–336.

6. Лещенко-Сухомлина Т. И. Архив БФРЗ. Ф. Р-276. Л. 51.

мила ее с бывшим эсером В.В. Сухомлиным⁷, за которого 31 декабря 1956 г. она вышла замуж и с которым наша героиня наконец обрела счастье, хотя и недолгое, до его смерти в 1963 г. Но это были, как она пишет, самые счастливые годы ее жизни: «На многие годы вперед он дал мне заряд праны, который не иссякает до сих пор»⁸. Благодаря мужу резко повысился ее социальный статус. В.В. Сухомлина, работающего корреспондентом французской газеты «Либерасьон» в Москве, часто приглашали на дипломатические приемы в иностранные посольства, на одном из которых Т.И. Лещенко-Сухомлина осмелилась поблагодарить присутствовавшего там Н.С. Хрущёва за реабилитацию невинно пострадавших в годы культа личности Сталина.

Несмотря на лагерный опыт супруги, Сухомлины не боялись дружить и принимать у себя людей, которых власть не жаловала. В числе друзей оказались А. Солженицын, переводчик К. Богатырёв, опальные поэты Е. Евтушенко и А. Вознесенский. Сухомлины принимали участие в судьбе Б.Л. Пастернака, когда началась его травля в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

Чем же объяснить взлеты судьбы Т.И. Лещенко-Сухомлиной после стольких глубоких падений? Это личностные качества: доброжелательность к людям, неистребимый оптимизм и жизнелюбие. В.В. Сухомлин написал своей племяннице Оле Андреевой в Париж: «Со мной произошло чудо, неожиданное, немислимое. Новый год дал мне нечаянное счастье. С 31 декабря я женат. Моя жена Татьяна чудесная, удивительная женщина, самая милая, самая талантливая и самая красивая из всех женщин, которых я знал. Весела, сохранила молодую жизнерадостность, несмотря на пережитые тяжелые годы. Раньше пела. Давала концерты, теперь поет только для друзей. Голос чудесный, очень музыкальна, изысканный репертуар»⁹. Гитарист С. Чесноков, аккомпанировавший Т.И. Лещенко-Сухомлиной, исполнявшей в 90-е годы русские романсы, писал о ней: «Прелестная дама, наделена всепобеждающим даром вселять восхищение и надежду во всех без исключения, кто имел счастье видеть и слышать ее на подмостках, тем более — общаться с ней»¹⁰. О себе она писала: «Я душевно жалею людей — именно скорее жалею, чем люблю. Я благожелательна и приветлива органически — это во мне независимо от воспитания — просто я такой родилась»¹¹.

7. Сухомлин В.В. — сын знаменитого народовольца В.И. Сухомлина, разоблаченного провокатора Азефа и участвовавшего в его ликвидации. В.В. Сухомлин вернулся из эмиграции в 1954 г., где он жил с 1920 г.

8. Лещенко-Сухомлина Т.И. Архив БФРЗ Ф. Р-276. Л. 152.

9. Там же.

10. «Вечерняя Москва». 1998. 20 октября. С. 4.

11. Лещенко-Сухомлина Т.И. Архив БФРЗ Ф. Р-276. Л. 142.

Способность к сопереживанию, естественность и сдержанность поведения, вежливость при полном отсутствии высокомерия, безупречный вкус во всем, что касается ее внешнего облика, привлекали к ней людей. Она умело использовала социальные связи, сохраняла со всеми мужьями добрые отношения и получала от них материальную поддержку.

Но главный фактор, обеспечивший успешность ее адаптации в социальном пространстве в конце жизни – это накопленный культурный капитал, который позволил ей восстановить утраченные статусные позиции и занять достаточно высокое положение в советском обществе. Ей очень помогало знание иностранных языков, она перевела с английского языка «Женщину в белом» У. Коллинза. При этом ее конкурентом оказался К.И. Чуковский, который заявил, что не собирается уступать этот перевод какой-то неизвестной даме, но узнав, что дама вернулась из лагеря, отказался от работы. За первое издание перевода книги Лещенко получила 100 тыс. руб., в 1956 г. это была огромная сумма. Книга переиздавалась 29 раз. Л. Брик через свою сестру Эльзу Триоле, живущую во Франции, обеспечила Лещенко-Сухомлиной возможность перевода на русский язык книг Ж. Сименона. Их неоднократное переиздание обеспечило ее на многие годы. Однако это была внешняя сторона жизни. Внутренне она, как и прежде, отвергала идеологию большевизма и пресмыкаться перед сильными мира сего не собиралась. В 60-е годы Т.И. Лещенко-Сухомлина мечтала еще раз побывать в Париже, но сделать это ей удастся лишь в 90-е годы. На замечание Л. Брик о том, что надо быть более лояльной к власти, чтобы иметь возможность выезжать за рубеж («неужели лагерный опыт ее ничему не научил?»), Лещенко делает запись в дневнике: «Да, меня ничто не научило и не научит врать и говорить не то, что я думаю, я непосредственно все воспринимаю. А тонкостей подводных я не знаю» [4, кн. 1, с. 450].

Как хранительница духовного наследия дворянской культуры она почувствовала себя особенно востребованной в постперестроечное время.

Воспоминания Т.И. Лещенко-Сухомлиной ярко демонстрируют независимость ее внутреннего мира, ее личностного восприятия, действительности, несмотря на засилье сталинской идеологии и попытку власти контролировать не только поведение, но даже чувства и мысли людей. Добиться установления абсолютного контроля над обществом так и не удалось. Пример Лещенко-Сухомлиной убедительно подтверждает идею о том, что и при тоталитарном режиме существовала та степень свободы, которая обеспечивала свободу выбора [2, с. 13]. Ее стремление держаться в стороне от политики в условиях тоталитарного режима, ориентированного на политизацию населения, можно рассматривать как проявление нелояльности, а отсутствие идеологических клише в ее дневниковых записях – как духовную оппозицию режиму. Это противодействие было пассивным, негласным, загнанным внутрь, но помно-

женное на миллионы человеческих судеб оно в конечном итоге привело к падению режима. Несмотря на усилия советской пропаганды в формировании нужных поведенческих стереотипов и создании угодной ей картины мира авторские представления о нем оказались далекими от тех, что насаждала пропаганда. Т.И. Лещенко-Сухомлина не стала частью безликой, покорной массы, охваченной единым ритуалом верности политическим идеалам и ценностям, навязанным сверху. Неслучайно она ни разу не упоминает о советских праздниках. Исключение – день окончания войны, но это статья особая.

Она демонстрирует внутреннюю свободу, свободу духа в тоталитарном государстве, которая оказалась сильнее конъюнктурных соображений и давления власти, насаждавшей новые идеалы, нормы, ценности, стили поведения. Т.И. Лещенко-Сухомлина являет собой позитивный опыт выживания тех представителей имущих слоев дореволюционного общества, которым удалось не стать жертвами обстоятельств.

Литература

1. Валевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла. Лица. Биографический альманах 6. – М., СПб., 1995. – С. 32–68.
2. Ионин Л.Г. Свобода в СССР. Статьи и эссе. – СПб., 1997. – 368 с.
3. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005. – 522 с.
4. Лещенко-Сухомлина Т.И. Долгое будущее. Воспоминания в двух книгах. Кн. 1. – М., 1991. – 528 с.; Кн. 2. – СПб., 1993. – 582 с.
5. Окладникова Е.А. Женские стратегии выживания: Миф или реальность? // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. – М., 2003. – С. 28–53.
6. Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: Семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. – М., 2009. – 352 с.
7. Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года: Жизненный опыт состоятельных семей // Судьба людей: Россия XX век. Биограф. как социал. исслед. – М., 1996. – С. 240–275.
8. Фукс-Хайрицц. Биографический метод / Перевод Е.Ю. Мещеркиной // Биографический метод. Социология, история, методология, практика. – М., 1993. – С. 11–41.